

УДК 340.12
DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(3).306-320

ЗАМЫСЛЫ И НАМЕРЕНИЯ КАК НОВЫЙ ПРЕДМЕТ ВНИМАНИЯ В КРИМИНОЛОГИИ И ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В.Н. Фадеев

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

7 ноября 2020 г.

Дата принятия в печать

21 июня 2021 г.

Дата онлайн-размещения

2 июля 2021 г.

Ключевые слова

Криминологический шаблон;
сознание; неопределенность
будущего; время; замысел;
намерения; другие формы бытия;
сознание; совесть; честь

Аннотация. Анатомия преступления, рассматриваемого таковым относительно какого бы то ни было правопорядка, представляется в виде криминологического шаблона, который отработан в жизни человечества за века юридической практики. Этот шаблон представляем в следующем формате: замысел деяния — намерение его совершить — подготовка — совершение деяния — его прямые проявления — следствия и последствия, сопоставляемые с замыслом и мерой наказания. К настоящему времени ситуация такова, что до определения замысла и особенно намерения как криминальных дело пока не дошло. И именно потому, что эта сфера не осознана конкретно и специальным образом как предмет науки и юридической практики, преступные с разных точек зрения замыслы и намерения находятся вне профессионального внимания и юриспруденции, хотя имеют явно и неявно, но противоестественные суть и характер.

Надо отметить, что «черная дыра» неопределенности и противоестественный характер того правового поля, в котором живет человечество, выявляются не только в сфере профессиональных интересов криминологии как науки о борьбе с преступностью.

Однако не только философия, но и практически вся гуманитарная сфера науки, включая психологию с ее приложениями, не восприняли всерьез тот замысел и намерения по его воплощению, которые через Мировой разум вложены в сущность человека и человечества и в его жизнь на планете Земля. Именно поэтому в ней доминируют ложь и обман, преступные замыслы, намерения и деяния, войны и убийства, притом не только отдельных людей, но и целых стран и народов. Это требует разработки и осуществления чрезвычайных мер по пресечению этого разгула действия деструктивных сил, «глобальной перезагрузки» и становления на путь существования и развития истинно человеческой цивилизации.

CONCEPTIONS AND INTENTIONS AS A NEW FOCUS OF ATTENTION IN CRIMINOLOGY AND JURISPRUDENCE

Victor N. Fadeev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2020 November 7

Accepted

2021 June 21

Available online

2021 July 2

Keywords

Criminological template; consciousness;
uncertainty of the future; time;
conceptions; intentions; other forms
of being; conscience; honor

Abstract. The anatomy of crime, viewed as such in comparison with any form of law and order, is presented as a criminological template developed by the humanity over the centuries of legal practice. This template includes the following: the conception of the action — the intention to commit it — the preparation — committing the action — its direct manifestations — its results and consequences compared with the conception and the size of punishment.

Currently, the conception and intention are not yet criminalized. It is connected with the fact that this sphere is not either generally or specifically recognized as an object of science and legal practice, diverse criminal conceptions and intentions stay outside the professional attention and jurisprudence although they are, explicitly or implicitly, perverted in their essence and character.

It is worth noting that the «black hole» of uncertainty and the perverted character of the legal environment in which the humanity lives are manifested not only in the sphere of professional interests of criminology as a science of crime counteraction. However, not only philosophy, but practically all the humanities, including psychology and its applications, have not taken seriously the conception and the intentions of its embodiment which, through logos, are included in the essence of the human and the

humanity, and in his life on planet Earth. For this reason, it is dominated by lies and deceptions, by criminal conceptions, intentions and acts, wars and homicide involving not only individual persons, by whole countries and nations. Urgent measures need to be developed and implemented to stop this rampage of destructive forces, it is necessary to have a «global rebooting» and to take the path of living in and developing a truly human civilization.

1. Введение

«Невежество — мать всех зол и всех несчастий, которые мы видим. Когда люди увидят свет, когда они станут чистыми, духовно сильными и знающими, только тогда несчастье исчезнет из мира, но не раньше. Мы можем превратить каждый дом в стране в замок или богадельню, покрыть ее больницами, но беды и горе человеческое все же будут продолжать существовать, пока не изменятся характер и *замыслы* человека. Работайте свободно, работайте в любви. Трудно понять слово «любовь»; любовь никогда не приходит, если нет свободы...» [1, с. 29].

Это — выдержка из лекций Вивекананды, прочитанных им в Европе и Америке в 30-х гг. минувшего столетия. Необходимо рассматривать сказанное как антикриминальную доктрину, ибо вся жизнь Учителя Вивекананды — Рамакришны на Земле — была практическим уроком ахимсы, т.е. непротivления злу насилем. Тем более — непротivодействия *криминальным замыслам* или *намеренным* и хорошо продуманным злодеяниям, совершаемым нередко в политике или общественной жизни.

Антикриминальный характер этой доктрины состоит в предложении людям упреждать такие негативные *замыслы*, в призыве к ним жить по-человечески, любя друг друга и все живое на Земле и во Вселенной, так сказать, «благоговоря перед жизнью» как самым главным, что в ней произошло и в разных формах существует.

Собственно, в этом и состоит конструктивное инакомыслие в сфере криминологии, т.е. позитивный по цели криминологический взгляд на все, что может принести людям горе, страдания, и упреждение этого за счет развития их сознания и освоения циклической, криминологической и антикриминальной манеры мышления.

Вопрос о тайных замыслах и намерениях состоит в том, откуда конкретно берутся благонравные и декларируемые взгляды на жизнеустройство, а самое важное — почему в известной нам истории человечества они не заняли в сознании и жизни людей полагающегося им главного места, а наоборот, уступили его совершенно иному ходу событий, так что для многих

стран и народов их действительная история оказалась страшной и кровавой, причем на фоне усугубления, с одной стороны, и декларирования множества благих намерений и публичных учений — с другой.

Вот и очередной, теперь уже глобальный заход и притязание на ведущую роль в оптимизации жизнеустройства и жизнеобеспечения человечества на планете Земля, замысел которого в отношении к России и ее народу должен быть в содержательном отношении проанализирован отдельным образом, и в данной статье представлены подход и методологический инструмент, которые необходимы для этого.

Сразу подчеркнем, что называем этот инструмент криминологическим шаблоном не столько потому, что он используется в криминологии и в судебно-следственной практике, сколько потому, что он, с одной стороны, является циклическим и потому представляет собой частный случай циклической (диалектической) логики и манеры мышления, а с другой — давно и основательно «обкатан» на практике множественностью следователей при подготовке материалов для судебных заседаний и судей при их использовании для вынесения приговора с частными определениями. Так что в целом это просто профессиональный подход к теме исследования, а не бездоказательное «навешивание» на него ярлыка криминальности.

2. Содержательное пояснение названия

В значительной мере статья написана в связи с появлением плана-замысла нового мирового порядка (далее — НМП), выработанного Всемирным экономическим форумом (ВЭФ). В целом это основательно проработанный и финансируемый десятилетний проект преобразования всего пространства правопорядка и жизни европейских государств с капиталистическим типом экономики и общественного устройства, включая Россию, — так называемая глобальная перезагрузка для реализации концепции «золотого миллиарда» и ликвидации примерно пяти шестых человечества как «лишних ртов», потребителей ресурсов и производителей отходов, захламляющих Землю.

Аргументы в пользу именно такой «перезагрузки» и направления дальнейшего развития цивилизации убедительны и подаются в формате четвертой промышленной революции (формулировка главы ВЭФ и инициатора НМП Клауса Шваба) [2] с поддержкой финансово-бюрократической элиты в лице ее структур типа транснациональных корпораций и пятых колонн в разных странах, в том числе в России.

В связи с этим в СМИ начинается активное обсуждение указанного глобального намерения, нарастающее по мере понимания значения этого деяния, хотя собственно научный смысл понятий «замысел» и «намерение» как форм целеполагающего сознания не совсем ясен, т.е. не определен, и потому используется бесконтрольно со стороны общественности и науки. По сути, это методологическая ниша (или «дыра»), которая образовалась давно и растет в связи с тем, что замыслы и намерения — это не материальные, а метафизические объекты внимания, с которыми, по крайней мере в юриспруденции и криминологии, базирующихся на материалистической доктрине, пока не умеют обращаться и работать.

Между тем любые умышленные деяния, и особенно преступления разного масштаба, которые понимаются как более или менее значительные нарушения принятого обществом и наукой правопорядка, могут быть представлены и обычно представляются с помощью стандартного криминологического шаблона, отработанного за века юридической, особенно судебной, практики. По сути и по форме этот шаблон является циклическим, охватывает практически все виды целесообразной умышленной деятельности и фигурирует в юридической сфере в следующем формате: замысел деяния — намерение его совершить — подготовка — совершение деяния — его прямые проявления — следствия и последствия, сопоставляемые с замыслом и мерой наказания.

Опираясь на этот опыт и вооружившись, как инструментом, именно циклической, т.е. диалектической, логикой, можно попытаться восполнить эту нишу, для чего отдельно рассмотреть замыслы и намерения как метафизическую часть этого шаблона, чему и посвящена данная статья.

Это может оказаться полезным как для развития криминологии в предикативно-превентивном направлении, так и для общественно-криминологической экспертизы НМП как

проекта «перезагрузки» правовых и общественных отношений, включая не только экономику, но и сознание как основу мировоззрения и государственного строя. В связи с этим большое внимание уделено категории неопределенности и циклической логике.

При этом имеется в виду, что многие положения НМП уже реализованы и реализуются и в мире, и в нашей стране, так что в этом отношении имеет место отставание теории криминологии от быстро обновляющейся реальности. Тем более что авторы плана НМП намерены реализовать его замысел за период с 2021 по 2030 г., поэтому и статья рассчитана в основном на молодых ученых и студенческую молодежь юридических и гуманитарных вузов, жизнь и работа которых будут проходить в условиях внедрения НМП или борьбы с ним.

Так что именно им нужно в первую очередь и в наибольшей степени быть готовыми к ситуации осмысления НМП и осознанного выбора: либо его приятия в интересах финансово-бюрократической элиты, т.е. так называемого золотого миллиарда, либо его категорического недопущения на территорию нашей страны и в жизнь ее и народа, а значит, в сознание и в социально значимую профессиональную деятельность.

Статья является вводной и публикуется в порядке подготовки к началу и развертыванию общественно-криминологической экспертизы предложенного ВЭФ нового мирового порядка, для осуществления которой вниманию ученых и студентов гуманитарных, в том числе и юридических, вузов впоследствии будут предложены и другие методологические инструменты.

В данном случае представим две основные предпосылки:

1. Новый мировой порядок от ВЭФ и ООН на период 2021–2030 гг. Между этими годами предполагается: 1) формирование одного мирового правительства; 2) безналичная мировая валюта; 3) центральный единый мировой банк; 4) единая мировая армия; 5) отмена национальных суверенитетов; 6) отмена частной собственности; 7) упразднение института семьи; 8) сокращение населения планеты; 9) контроль над численностью и плотностью населения; 10) обязательная многократная вакцинация; 11) универсальный базовый доход, что означает жесткую экономию; 12) имплантация микрочипа якобы для облегчения совершения покупок, путешествий, а на деле — для отслеживания и контроля населения; 13) внедрение глобальной системы соци-

ального кредита, как в Китае; 14) подключение триллионов приборов к системе мониторинга 5G; 15) взятие правительством на себя права воспитания детей; 16) наличие только государственных школ, университетов; 17) упразднение частного автотранспорта; 18) сосредоточение всего бизнеса в руках государства, корпораций; 19) ограничение в авиаперевозках по количеству пассажиров, которое будет сведено до минимального; 20) концентрация людей в зонах населенных пунктов; 21) отмена систем орошения; 22) упразднение частных предприятий в аграрном секторе, включая запрет на владение скотом; 23) отмена частного жилья; 24) ограниченное землепользование на благо человека; 25) запрет на все натуральные несинтетические средства лечения; 25) запрет на все нетрадиционные методы лечения; 27) запрет на все виды ископаемого топлива¹.

2. Стандартный криминологический шаблон: замысел деяния — намерение его совершить — подготовка — совершение деяния — его прямые проявления — следствия и последствия, сопоставляемые с замыслом и мерой наказания.

Читатель может самостоятельно примерить этот шаблон к каждому из вышеперечисленных 27 пунктов НМП с двумя целями: во-первых, предварительно определить, к какой из стадий этого общего замысла он относится и, во-вторых, на какой стадии находится внедрение данного пункта в жизнь общества и страны.

И то и другое будет сделано и представлено в следующей работе с применением еще нескольких методологических инструментов, но в первом приближении читателю вполне возможно провести с помощью данного шаблона предварительный анализ самостоятельно, поскольку в порядке реализации общего замысла НМП очень многое уже сделано или делается, поэтому каждый интересант может выявлять фрагменты либо подготовки к этому, либо совершения каких-то действий в этом направлении и т.д.

3. Краткое пояснение темы исследования

3.1. Тот факт, что замыслы и намерения совершить преступное деяние еще не были и не могли быть предметом классической криминологии, в том числе в сущностном и естественно-научном смысле, бесспорен, если, однако, принять, что замысел деяния является метафизическим и потому существует только в созна-

нии субъекта поведения и сознания как в материальной реальности, не представленной в пространстве.

Хотя стоит отметить, что поведенческие и психологические проявления и аспекты этих объектов внимания науки и практики были основательно рассмотрены в работах выдающегося ученого-криминолога, академика В.Н. Кудрявцева [3; 4] и ряда других авторов.

Для практики концептуально, просто как основа парадигмы, этот предмет, его место в ней и роль были давно и четко определены как ненормативные компоненты криминологии одним из ее основоположников Чезаре Беккариа, о чем в работе В.Н. Горшенкова сказано следующее: «Не увлекаясь дискуссией, следует заметить, что Беккариа считал единственно точным применительно к преступлению критерий реального зла, или вреда, вместо его предположения, т.е. угрозы причинения, или общественной опасности. «Единственным истинным мерилom преступлений служит вред, причиненный ими обществу», — писал Чезаре Беккариа. И заблуждались поэтому все те, кто принимал за истинный критерий преступления намерение его совершить» [5, с. 15]. Хотя всем ясно, что «...намерение и есть «опасность» как вообще «возможность», угроза чего-нибудь очень плохого» [6].

Короче говоря, пока еще не было разработано концепции и юридической практики, суть и цель которых состоят в том, чтобы заранее и конкретно определить замыслы и намерения части (большой или меньшей) населения страны и, таким образом, с одной стороны, установить контуры ее желательного ближайшего и отдаленного будущего, а с другой — классифицировать замыслы и намерения и выявить ту их часть, которая имеет сомнительный или уже преступный характер, свидетельствующий о более или менее полной готовности совершать преступления, как основание для уже юридических действий в виде их квалификации и наказания.

В Уголовном кодексе России и других стран, исключая, впрочем, прямые угрозы жизни и здоровью, просто нет такой концепции и практики в отношении к потенциальной преступности и общепринятых норм такого рода, поскольку они сформулированы с точки зрения свободы действия, а не разума, воли и ответственности [7].

Правда, в ст. 14 («Понятие преступления») и в ст. 24 («Формы вины») УК РФ подразумеваются рассуждения о замыслах и намерениях как о вроде бы достойных внимания со стороны

¹ Новый мировой порядок между 2021 и 2030 годами. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B3sCgCyT7bk>.

юрисдикции и правоохранительных органов, но об этом говорится в условиях большой неопределенности будущего вообще, и в том числе в условиях, когда основная масса замыслов и намерений со стороны большинства членов общества тоже располагается в сфере неопределенности, и потому они рождаются и бытуют в индивидуальном сознании, развиваются в нем и осуществляются вовне практически бесконтрольно со стороны общественности, государства и правоохранительной системы.

Подтверждением сказанному является убеждение отдельных ученых и практиков, что именно в этой сугубо метафизической, не определенной и не определяемой с материалистической точки зрения и в то же время информационной сфере располагаются *корни и истоки* преступности.

И наоборот, если такая информационная основа внутренней политики определится, а именно на это в значительной мере ориентирует данная работа, то можно будет гораздо более уверенно предупреждать криминальные события в различных сферах жизни общества, развития и деятельности государства.

Сказанное означает, что преступные замыслы и намерения, как и вообще целенаправленная и целесообразная деятельность человека как субъекта поведения, пока что в большей мере характеризуются категорией неопределенности, привычной для жизни общества в его отношении к будущему и тупиковой для всей классической науки, и в частности криминологии, поскольку они являются материалистическими по своей сути и потому исходят из уже происшедших фактов и событий, а не из предположений, что они могут (или не могут) произойти.

3.2. Напомним, что «...в Дигестах Юстиниана существовало положение римского права: никто не несет наказания за мысли (*cogitationis poenam nemo patitur*). Этот принцип лежит и в основе российского права, подчеркивая, что основанием для уголовной ответственности может быть только преступное поведение, выразившееся в конкретном вредоносном деянии, а не антиобщественные свойства личности, ее помыслы и убеждения. Уголовный кодекс упоминает такие выражения, как деяния, действия, деятельность, поведение, тем самым подчеркивая, что преступления могут предполагать и образовывать все виды человеческой деятельности, независимо от их сложности» [8].

Между тем совершенно ясно, что, опираясь на уже происшедшие события, ожидаемую картину мира вообще, и преступного в том числе, можно построить только в спекулятивно-предположительном формате, даже если это делается с помощью искусственного интеллекта и больших данных, о чем свидетельствует опыт США, Китая и других стран [9; 10].

Детерминация поведения человека носит вероятностно-временной характер, который, если он не идентифицирован и не определен в количественном отношении как условная вероятность тех или иных событий, недостаточно надежен для проектирования и строительства будущего вообще и предупреждения роста и развития преступности в частности. Эта неопределенность имеет принципиальное значение — тупиковое в буквальном и в переносном смысле слова.

3.3. Перевод внимания общественности, представителей гуманитарных, в том числе юридических, наук в сферу сознания и его сосредоточение на замыслах и намерениях на как вероятностно-временных, а не реальных событиях обеспечивают уменьшение их неопределенности и установление оснований для возникновения в связи с этим неклассической, сущностной, сугубо полевой формы науки о человеке и его сознании, в первую очередь именно криминологии в ее предикативно-превентивном качестве, а в перспективе — и в юрисдикции как философии права и юриспруденции, выступающих инструментами формирования естественной правовой парадигмы, завершающей трансформацию парадигмы права в цивилизационном развитии человечества [11].

3.4. В соответствии с общим представлением о любой новой концепции, а тем более в соответствии с представлением о строящейся на ее основе новой общественной парадигме в области права должны определяться ее *предмет* (о чем идет речь), *метод* (что делать и как обращаться с этим предметом) и *теория* того и другого.

В данной статье в соответствии с ее названием рассматривается в основном проблема определения предмета принципиально новой, неклассической криминологии, хотя это невозможно делать, не затрагивая основы правовой парадигмы как метода и культуры обращения с ним, равно как не затрагивая и основы теории, которая своими корнями уходит, с одной стороны, в философию права, представленную

в общем виде, в том числе применительно к сфере криминологии — прежде всего в форме криминальной психологии [12], а с другой — в сферу гуманитарных наук и «естество человекознания» (Карл Маркс), т.е. метафизики форм бытия сознания человека как формы его непосредственного контакта с системой Мирового разума, действующего на Земле, т.е. в «планетарном сегменте Космоса» (Даниил Андреев. «Роза мира»).

3.5. В связи со сказанным надо подчеркнуть принципиальную новизну представлений о новом предмете внимания криминологии, которая при такой переориентации своего предмета, а значит, метода и теории может выступить как флагман существенного преобразования всей гуманитарной сферы и перестройки ее компетенций в отношении к жизни, сознанию и правосознанию человека.

Во-первых, она состоит в том, на что указывает профессор В.П. Малахов в своем труде «Философия права»: «...определяющую роль в структуре предмета играет связанность бытия права с пониманием и выражением его в смысловом каркасе правосознания. Тем самым бытие права предстает как в своей материальности, так и в своей духовности», что предполагает исключительные и новые требования к методологии.

«Задача построения и приведения в действие адекватной методологии решается именно по отношению к данной внутренней диалектической связи. А если это так, тогда мы с полным основанием можем утверждать, что подлинным и синтезирующим все выделяемые аспекты предметом философии права должен стать сам акт философствования о праве, т.е., с одной стороны, его природа, а с другой — условия его актуализации. Уместно уточнить данную мысль и тем самым предельно заострить вопрос: *предметом философии права должно стать духовное бытие человека как правового существа*»² (курсив наш. — В. Ф.).

Во-вторых (и в связи с этим), он же подчеркивает «...необходимость учета и разрешения

² Добавим к этому свое видение: разные формы духовного бытия, в том числе совесть, честь, достоинство и т.д., а главное для данной статьи — замыслы и намерения этого правового существа и субъекта поведения, и в первую очередь манера мышления, которая может быть либо циклической, и тогда она адекватна в отношении к процессам, либо дискретной («да» или «нет»), и тогда она беспомощна перед циклическими явлениями и процессами.

парадоксальной ситуации, состоящей в том, что для анализа и оценки степени адекватности и состоятельности научной методологии, начиная с определения предмета, нужен метод, который по отношению к ней занимает суперпозицию в своей компетентности» [13, с. 17].

Это возможно в одном случае — если метод является естественным, т.е. отражает общие законы формирования и бытия сознания человека и человечества, с одной стороны, и строится по логике поведения самого исследуемого предмета — с другой. Иными словами, это концептуально-методологический изоморфизм.

Ярким примером подобного стечения объективных и субъективных фигурантов такого определения является неклассическая физика, в которой роль первых играют геометрия пространства микромира и элементарные частицы, а вторых — те ученые, которые поняли логику их поведения, а главное — роль неопределенности в характеристике каждой и всех микрочастиц как объективно предзаданного ограничения в познании их поведения.

3.6. Таким образом, можно сказать, что методология, которая в общем случае является продуктом сознания и рассматривается именно в таком ракурсе, в принципе может использоваться для «прямого контакта» с системой Мирового разума и — подобно замыслу — опережать реальные события, как это осознанно используется в современной физике.

Конкретно и впервые — в случае, когда за 80 лет до открытия Альбертом Эйнштейном кривизны пространства и времени, русский и немецкий математики Николай Лобачевский и Георг Фридрих Риман создали криволинейную (неевклидову) геометрию, которая оказалась и адекватной для описания, и компетентной для предсказания траекторий движения света в мировом физическом пространстве. Эта кривизна проявляется, если строить картину мира, используя в качестве носителя информации о нем именно свет и его движение в условиях действия разных полей тяготения, генерируемых в реальном Космосе. Налицо факт возникновения теории, которая характеризуется полной прогностической силой в отношении к предмету описания, причем идея и мысли обоих математиков первичны по отношению к реальности, а она вторична в этом плане.

Не будь этого субъективно свершившегося прозрения в сознании этих двух гениальных

математиков, не было бы логического инструмента для построения специальной теории относительности и последующего проникновения в тайны Космоса и микромира, познания и понимания его устройства, а значит, и всей современной неклассической физики, равно как и той научной парадигмы и мировоззрения, которые выстроились к настоящему времени благодаря специальной теории относительности и квантовой механике с учетом неустранимой, объективно предзаданной и учитываемой неопределенности, присущей фотону как основному носителю информации о мире.

Этот пример, имевший место в совершенно обозримой истории человечества, однозначно показывает, что «формы бытия сознания» (В.П. Малахов [13]), и в том числе замыслы и намерения, опережают реальные события и их представленность в пространстве, так что базовая доктрина криминологии, представленная выше со ссылкой на Чезаре Беккариа и других ее основоположников, является принципиально несостоятельной в отношении к сознанию и формам его бытия, почему все они для нее характеризуются категорией неопределенности, и именно это — причина несостоятельности криминологии в отношении к криминальным замыслам и намерениям вообще и замыслам НМП особенно.

3.7. Необходимость аналогичного прозрения и определения логического инструментария, адекватно отражающего логику происхождения и развития предмета философии права, уже назрела, так что вполне можно ожидать этого в отношении к сознанию человека и человечества, в том числе к преступному миру, в котором метафизические по своей природе и специфике замыслы и намерения совершать преступные деяния занимают очень большое, если не решающее, место.

Из действующих авторитетных теоретиков права и криминологов в достаточно ясной форме по поводу этой бездуховности, а следовательно, бездушности, бессовестности и т.п. высказывались в 2007 г. И.А. Исаев [14] и Я.И. Гилинский [15], а особенно — в позитивной связи с православием — Е.С. Жигарев [16].

В связи с этим задача в значительной мере сводится к выявлению и определению не только предмета неклассической криминологии как аналога мирового физического пространства (поля) и микромира, но и такого логического инструментария, который должен быть подо-

бен и даже аналогичен, по сути, и роли криволинейной геометрии Лобачевского — Римана в отношении к траекториям движения света в этом поле.

Только так и можно будет обеспечивать возможность увеличить прогностическую силу теории и предсказывать траекторию поведения субъектов права как его носителей, которое (поведение) пока что в реальных условиях практически всегда девиантно по отношению к траекториям, узаконенным в кодексах в качестве нормативных и потому подобным прямолинейной евклидовой геометрии, используемой в классической физике.

Нужно прочувствовать, осмыслить и освоить общий, методологический смысл достижений физики и ее неклассическую манеру мышления. За прошлый век открыты не просто физический микромир и относительность как зависимость представлений о нем от систем отсчета и носителя информации, а объективная основа новой общественной парадигмы и мировоззрения, сформулированная и заложенная как сущностная форма отношений землян с Космосом.

Надо подчеркнуть, что этот успех неклассической физики, невозможный без понимания смысла неопределенности и относительности, пока что никак не повлиял на саму манеру мышления, которая общепринята в гуманитарных науках вообще и в юридических в частности, в том числе в криминологии как части этого целого.

Практически вся литература, выдаваемая «на-гора» великим множеством разных авторов, является описательной и создана с использованием аппарата формальной, т.е. бивалентной, логики «исключенного третьего», которая не терпит неопределенности, живет где-то между «да» и «нет» и даже раздражает отдельных авторов и читателей. В то время как в квантовой логике неопределенность относится ко всем полевым частицам микромира и занимает свое принципиально неустранимое и потому центральное место.

И наоборот, предмет, описываемый с помощью такой логики, выступает и может быть представлен только в вероятностно-временном формате — как ожидаемый в тех или иных рукотворных или естественных условиях его изучения и использования, т.е. как метафизический просто по определению, и слава богу, как говорится, что в стандартном криминологическом шаблоне есть именно такая — метафизическая — составляющая.

4. Значение принципа неопределенности в системе криминологических знаний

Прежде всего, надо иметь в виду, что в настоящее время (а согласно НМП, «на всю оставшуюся жизнь») поле действия римского торгового права, в котором все продается и покупается и потому фигурирует как товар, свободно от необходимости учитывать духовно-нравственную составляющую человеческого сознания и жизни — совесть, честь, достоинство, сострадание и т.д., так что эти категории и их реальные эквиваленты остаются и бытуют для юридического мышления в сфере неопределенности как «черной дыры».

В философии права и вообще в правовой парадигме «душа как реальность» [17] и потому как проблема определения на языке философии права не фигурирует. То же самое относится и к другим «формам бытия сознания» (В.П. Малахов [13]), в том числе к рассматриваемым здесь замыслам и намерениям.

Ниже представлена попытка проанализировать варианты такого инструментария и способы его применения для перехода от упрощенной картины формирования преступного мира, построенной криминологией в описательной манере, т.е. с материалистической и потому классической точки зрения — как «данность в ощущениях», к сущностной картине его возникновения и развития, которая освещает корни и истоки преступности, кроющиеся в сознании и сфере действия разных сил, темных по происхождению, сути и характеру.

Предварительно оговорим, что в криминологической литературе наиболее полно понятие неопределенности рассмотрено в монографии М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина «Очерки криминальной рискологии» [18], но уже из ее названия видно, что смысловое поле, с которым авторы связывают это понятие, не полевое и не метафизическое, как в квантовой механике и современной физике, оно предстает как множество недоработок и упущений, свойственных юридическим категориям, что вносит неопределенность в юрисдикцию и правоприменительную практику.

Другой пример представлен в диссертации В.С. Веселковой, в которой весьма подробно и основательно рассматриваются концептуально-теоретические и методологические основания проблемы соотношения определенности и неопределенности в социальном познании. В частности, в заключении своей работы она пишет:

«Отсутствие единой и общепринятой формулировки определенности и неопределенности в системе философского знания и недостаточная их разработка в рамках социального познания требуют развития как предложенной позиции рассмотрения данных явлений, так и поиск новых способов их постижения. Эти категории обладают неисчерпаемым потенциалом и только заявляют научному миру о своем существовании, и нашим долгом является не оставить их без внимания и применения. Их потенциал заключается, прежде всего, в их методологическом значении и способности стать ценным инструментом в работе исследователей. По нашему мнению, проблема постижения определенности и неопределенности еще долгое время будет оставаться достаточно острой, и их адекватное толкование будет способствовать формированию такого мировоззрения у личности, которое позволило бы с ясностью разграничивать позитивное и негативное влияние определенности и неопределенности и в соответствии с этим регулировать свои отношения с окружающей действительностью» [19].

В свете сказанного и с учетом реального состояния парадигмы права тема, обозначенная в названии данной статьи, многим может показаться выдвинутой для разработки преждевременно. Пока что сложилась и используется юриспруденция, предполагающая всего два понимания: «...юриспруденция как понятийный и логический инструментарий юридической практики (просто по определению безбожной и бессовестной. — В. Ф.) и как познавательная основа совокупности юридических и гуманитарных наук» [20, с. 12].

Однако в связи с неопределенностью будущего вообще и проблемой «...выживания в условиях быстро нарастающей криминализации всех общественных отношений» [21, с. 27] особенно пришло время вспомнить высказывание Маркса о том, что «человечество всегда берется только за такие задачи, для решения которых, как оказывается при ближайшем рассмотрении, уже есть все необходимые предпосылки» [22].

Судя по появлению НМП и концепции «золотого миллиарда», время это, похоже, пришло, и потому еще раз представим предпосылки, чтобы показать, что они назрели и уже есть в наличии, так что надо их глубоко осмыслить и использовать.

В общем смысле уже ясно, что в сознании, в информационном пространстве и в жизни чело-

вещества возникают, циркулируют и реализуются очень разные замыслы и намерения, в том числе и прежде всего не только далекие от божественных, но и античеловеческие по характеру и сути. Причем адресуются они человечеству, странам и народам без их ведома [23–25], с одной стороны, и реализуются совершенно бесконтрольно со стороны общественности — с другой.

На примере НМП ясно видно, что опережение замыслов, злонамерений и действия противоестественных сил по отношению к реальной жизни является фактом, причем его масштабы постоянно возрастают при участии представителей так называемых правящих элит и политиков, от деятельности которых криминология как наука о борьбе с нарастающей преступностью напрасно «дистанцировалась», в том числе в плане поиска в их сознании корней и истоков паразитизма и преступности, хотя именно в нем — замыслы и намерения не просто девиантного, а по-настоящему преступного поведения [26].

Поэтому замыслы и намерения вообще и такого рода особенно пока не воспринимаются «благонамеренным» сознанием и не оцениваются адекватно ни по существу, ни по возможному значению для жизни (благо деятельность носителей таких замыслов и намерений их осуществления находится за пределами правового поля и вне зоны компетенции правоохранительных систем), поскольку прячутся и относятся к сфере действия разведок и спецслужб разных стран³ [27; 28].

Нужно отдать должное великим мыслителям, философам и целому ряду современных авторов [18; 19; 29–35], которые пытались осмыслить, с одной стороны, *неопределенность* как таковую, а с другой — необходимость уделить особое внимание логическому аппарату, используемому в юридических науках и в базовом курсе обучения юристов, — философии права как основы юриспруденции, уголовно-правовой концепции, мировоззрения и т.д.

Однако современными представителями гуманитарной, в том числе и юридической, науки не было сделано попытки воспользоваться методологической наработкой неклассической физики и, что самое главное, несколько «недопонято и недооценено» то обстоятельство, что современная (неклассическая) физика — это метафизика в буквальном, естественно-науч-

ном, натуральном, физическом, если угодно, а не в философско-метафорическом смысле этого слова, поскольку она изучает и описывает микромир и его устройство, которые находятся во внечувственной сфере и представляются в связи с этим в пространстве и в описаниях исключительно в вероятностно-временном формате — как ожидаемые в тех или иных условиях, а не как фактическая, чувственно данная реальность.

Примерно то же самое имеет место даже в философии и общей теории систем, в которых неопределенность нередко тоже воспринимается как недостаточно точное определение какого-либо объекта внимания и деятельности, а не как *место соприкосновения человеческого сознания с объективной реальностью, свободной от наших определений, т.е. не определенной ими и как таковой*.

Похоже, в современной философии науки и в целом в гуманитарной отрасли знаний такого представления об объективной реальности пока просто нет, в то время как в физике именно за этой, настоящей неопределенностью кроются все ее бесконечные реальные эквиваленты — полевые микрочастицы, начиная с фотона, который представляет собой единство таких взаимоисключающих противоположностей, как волна и частица, и, следовательно, как то и другое и не то и не другое как таковые, т.е. как действительная неопределенность.

Вот именно этот и все другие фигуранты и представители непосредственно не наблюдаемого микромира присутствуют в квантовой логике как инструменте построения его теоретического описания в качестве неустранимого «третьего», чем она и отличается от общепринятой в текстах прочей науки логики «исключенного третьего» и общественной парадигмы в суждениях о мире и о жизни.

Реальность — это всегда то или иное единство противоположностей, а с помощью дискретной (бивалентной) логики и философии «здравого смысла» она может быть представлена только как одна из противоположностей — больной или здоровый с точки зрения медицины, преступник или не преступник по поведению относительно правовых норм, мужчина или женщина по внешнему виду, половой принадлежности и т.д.

Между тем в статье «Нужно ли уголовное право?» Я.И. Гилинский не просто подвергает сомнению необходимость введения в социально-правовой оборот понятия уголовного права,

³ Интеллектуальный клуб «Команда 10003». URL: http://samopoznanie.ru/msk/organizers/intellektualnyy_klub_komanda_10003.

а вносит в текст статьи положение, которое совершенно резонно с точки зрения девиантологии и современной физики, — относительность, зависимость от системы отсчета: «...в реальной действительности нет деяний, которые были бы «преступностью» (или «преступлением») по своему содержанию, своим внутренним, имманентным свойствам. Преступление и преступность — понятия сугубо релятивные (относительные), конвенциональные («договорные»: как «договорятся» законодатели), они суть социальные конструкты, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т.п. Но ведь те же самые по содержанию действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне (подвиг!), убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда — конфискация в состоянии крайней необходимости, обман государством своих граждан и т.п.» [15, с. 26].

В этой выдержке из статьи Я.И. Гилянского представлено, с одной стороны, правильное понимание им самой относительности правовой парадигмы и ее приложений, т.е. названная выше зависимость от системы отсчета, и это — положение, достаточно общее в сравнении с неклассической физикой, а с другой — «интеллектуальное отторжение» автором неопределенности предмета криминологии и философии права, т.е. названных выше конкретных форм бытия сознания, и недопонимание необходимости их включения в представления о праве как о естественной метафизической реальности.

В физике и естествознании имеется в виду Космос как пространственно определенная, хотя и бесконечная физическая реальность и движение в ней дуального по своей природе света, а в гуманитарных науках, и в криминологии в частности, по умолчанию имеется в виду микрокосм человеческого сознания и вообще вся «вотчина» системы Мирового разума, включая Бога как — предположительно — творца всего и вся, в том числе темных сил.

Это совсем другая, хотя тоже непосредственно не наблюдаемая и потому метафизическая реальность, в которой как частные случаи существуют физический мир и отражающее его актуальное сознание.

Но в современной физике картина непосредственно не наблюдаемого глобального микромира в вероятностно-временном фор-

мате *построена*, а в криминологии как науке о борьбе с преступностью за счет предупреждения преступлений, совершаемых тоже дуальными субъектами как носителями сил добра и зла, такая степень проникновения в преступное и вообще в человеческое сознание пока что даже *не предполагается*, ибо вся существующая концепция и система предупредительной деятельности базируются на материалистической парадигме в соответствии с концепцией уголовной политики, которая позволяет говорить лишь о гипотезах выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений (преступности), но не о ликвидации ее как таковой.

Надо отметить, что среди определений понятия «предупреждение преступности», приводимых профессором В.Н. Орловым, есть два (из пятнадцати), в которых фигурируют определения перспективных целей борьбы с преступностью: окончательное искоренение преступности (А.Б. Сахаров) и ликвидация преступности (Г.М. Миньковский) [36]. И хотя по сути и целевому характеру эти определения совпадают с целями, обозначенными в названии, но даже тогда, когда они выдвигались ведущими криминологами страны (а это было в условиях временного торжества предкоммунистической идеологии), они не предполагали реальное достижение этих целей в пространстве и времени, т.е. на самом деле, за какое-то вполне определенное время и с помощью конкретных средств, как это предполагается в рамках системно-целевого подхода к проектированию и строительству вообще.

Очень важно понимать, что это общий недостаток, присущий всем гуманитарным наукам, изучающим человека, включая философию, для которых он выступает как неопределенность, связывающая и разделяющая в нем добро и зло, но пока для них — только как тупик, а не как объективная характеристика всех форм бытия человеческого сознания как части и земного проявления системы Мирового разума.

Необходимо добавить, что к такому положению наук о человеке уже давно привыкли, особенно в их советском и постсоветском форматах, которые строятся на материалистической основе, о чем как о недостатке и даже о пороке пишет в ранее указанном курсе лекций «Философия права» профессор В.П. Малахов [13]. Правда, в статье профессора В.В. Ершова «Неопределенность и определенность права как парные категории» первая категория рас-

смачивается как общенаучная, но ее глобальное значение как всеопределяющего фактора низводится до уровня недостаточно четкого определения статей и оснований для правоприменения [37]. Понятно, что это — совершенно недостаточная трактовка смысла и значения категории неопределенности.

Соответственно, выдвигая в центр профессионального и общественного внимания определение замысла и намерения как проблему, мы должны иметь в виду, что она может решаться двояким образом: в отношении к классической и неклассической [38] составляющим криминологической манеры мышления и шаблона, и это и есть общий вид всех названных выше предпосылок для решения задачи, обозначенной в названии.

5. О неклассической (метафизической) составляющей

В сфере гуманитарных наук, и в том числе криминологии, должен быть открыт, а вернее, осознан реальный биофизический эквивалент неопределенности, т.е. какое-то *поле бытия форм сознания и новый носитель неопределенности и информации типа кванта действия (фотона)* с его аналогичной дуальностью волны и частицы, например как «квант замысла» или «сила намерения» и т.д., в том числе — разновидностей криминального характера, происшедших из хаоса через стадию формирования хаотрона под действием противоположности хаотрона (И.А. Янушевский).

Такой эвристический вариант решения проблемы неопределенности замыслов и намерений как двух из множества форм бытия сознания (другие — ложь, обман, ненависть, злоба, ужас, совесть, честь, достоинство, страдание и т.д.) в качестве нового предмета и предметной основы неклассической криминологии относится к метафизической составляющей криминологического шаблона и будет представлять собой специфический аналог микрочастиц, начиная с фотона, обнаруженного в конце позапрошлого века.

В принципе, это было сделано в конце XIX в. Максом Планком, но понято им всего лишь как наименьшее общее кратное для целочисленного согласования «ошибок», которые, как он думал, образовывались при измерениях скорости света братьями Максвеллами.

Действительный же смысл предположил тогда никому на тот момент не известный патен-

товед и школьный учитель физики Альберт Эйнштейн, который пришел к Планку и попытался объяснить этому всемирно известному физическому, что за найденной им математической формулой этой «ошибки» (см.: секунды, джоули...) кроется элементарная часть света — частица, фотон, но сначала не был понят Планком.

И в самом деле: как это — и волна, и частица одновременно и «в одном флаконе»? То есть что это за странное «единство противоположностей», предсказанное Гегелем в самом общем виде в философии, правда, только как их борьба и взаимоисключение, а не как гармония в факте существования. Это могло и может быть понятым только с точки зрения представлений о мире как о единстве и гармонии противоположностей, лежащих в основе китайской натуральной философии и циклической логики, неизвестных Планку тогда и остающихся неизвестными и поныне всем, кто не понимает, что существование объективного мира имманентно чувственному восприятию и является его эзотерической основой, что феноменологически представлено множеством фактов и явлений.

В качестве примера любознательный читатель может найти в Интернете информацию об «улиточном телеграфе», работающем вне специальной теории относительности и без такого носителя информации, как свет, и с его опережением. Есть и другой из множества фактов — это поразительные эксперименты с только что вылупившимися цыплятами, проведенные французским ученым Рене Йошем⁴.

В связи с этим удивительным опытом имеет смысл, однако, ввести понятие, которое предложил профессор В.П. Малахов, — «притяжание» (или «всеобщая любовь» как методологически понятный аналог физической силы притяжения) и, таким образом, начать насыщать биофизическим смыслом представления о естественном правовом поле и всех его разновидностях как о системах отсчета. Так что в этих экспериментах «упрятаны» и страдание, и ужас!

Отмеченные и иные реальные явления, не имеющие пока объяснения, но точно соответствующие сути излагаемого материала и возможного решения проблемы неопределенности форм бытия сознания, — удивительно точная формулировка.

Все это даст возможность применить весь методологический аппарат современной не-

⁴ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7CF8Frp0EWU>.

классической физики для выявления и описания форм бытия сознания, включая замыслы и намерения, а криминология и философия права как юрисдикция и юриспруденция обретут, наконец, естественно-научную почву «под ногами» и в сознании теоретиков.

Очень интересная перспектива может открыться в связи с этим, если выстроить сотрудничество с комплексом НБИКС Курчатовского центра, в котором уже добрались до технологической возможности создания «служебного человека» [39], способного осуществлять запрограммированные целенаправленные действия и формы поведения, так что в таких биороботов можно будет встраивать и чистые от преступных намерений формы бытия сознания. Поведение таких субъектов тоже будет строиться по шаблону, но гораздо более по-человечески, чем ныне, когда они создаются без метафизической составляющей. Быстро можно будет создать аппаратуру, аналогичную детекторам лжи, но на порядок более совершенную и работающую дистанционно — как детекторы злого умысла.

В связи с развитием резонансной и квантовой медицины становится ясно, что организм человека и его представленность в сознании в виде микрокосма — это резонансно-колебательная система, состояние которой характеризуется разными частотами.

Эти частоты могут определяться и как исходящие от организма живого субъекта поведения в этом мире и в правовом поле, и как вызывающие эти состояния организма, психики и сознания, что уже давно подтверждено множеством фактов и наблюдений. Так, в 1938 г. Нильс Бор включил возле театра, заполненного зрителями, мощный генератор, излучающий волны с частотой 2,43 Гц, и зрители в ужасе и в панике разбежались.

Близко от этих явлений давно имеющаяся в различных странах аппаратура, предназначенная для разгона демонстрантов, которая работает на такой же частоте, но в виде огибающей, а в качестве несущей используется ультразвук, так что это — высокоэффективный инструмент предупреждения и пресечения правонарушающего поведения различных групп населения.

Большое значение сказанное в этом кратком отступлении имеет для деятельности пенитенциарных учреждений и вообще для изменения и персонализации уголовно-исполнительной политики и применяемого при этом инструментария.

6. О сочетании классической и неклассической составляющих в криминологической манере исследований и мышления

Выше сказано о принципе Нильса Бора, согласно которому о природе и устройстве микрообъектов как непосредственно не наблюдаемых форм бытия микромира можно судить по классическим характеристикам, получаемым с помощью обычных приборов.

Можно воспользоваться этим принципом, сочетая неклассическую составляющую (разные измерения характера замыслов и намерений) с классической, последовав для этого за предложениями профессора А.И. Долговой, которая сформулировала интересный подход к получению информации, предназначенной для предсказания роста числа криминогенных и криминальных событий, названный «полевыми исследованиями» и состоящий в собеседовании с населением [40].

В свете сказанного этот подход должен быть направлен на выяснение замыслов и намерений населения, что позволит градуировать его на пять групп, в том числе выделить такую, в которую войдут активные люди — носители каких-то притязаний, которым нечего скрывать. Это будет «здоровое ядро нации», с ним можно естественным образом сотрудничать в строительстве светлого будущего. Проявится менее активная, но тоже открытая в своих чаяниях группа и, наконец, группа, члены которой скрываются от общественности и государства и вынашивают преступные замыслы и намерения, как, например, так называемая пятая колонна, на которую опираются инициаторы цветных революций для установления НМП.

Это получится за счет инвентаризации и упорядочения замыслов и намерений населения (меньшей или большей его части) и применения для осмысления и определения их значения логического инструментария, включающего присущую им неопределенность и потому аналогичного по сути и значению квантовой логике.

Получится такая же по характеру градация той части населения, которую удастся протестировать таким образом, как это сделано в Китае, где 630 млн видеокамер (в России — 13 млн) [41], но не по классическим характеристикам обличия и поведения, а по метафизическим и сущностным, исходящим от самих людей, так что их *душа* предстанет как *реальность* [17].

И именно эту работу и новую — комплексную — манеру мышления нужно начать осваивать студентам и молодым ученым прежде всего

юридических вузов. Именно им предстоит разрабатывать и проводить общественно-криминологическую экспертизу прошлого, настоящего и будущего нашей страны и человечества в целом.

Автор с коллегами располагает матрицей, которая называется смысловым блоком про-

грамм целевого управления, является антикриминальной (АКМ) и может использоваться для названных целей с очень высокой эффективностью. В порядке продолжения данной статьи АКМ будет представлена в следующей публикации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Роллан Р. Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды : пер. с фр. / Р. Роллан. — Москва : Экополис и культура, 1991. — 320 с.
2. Маллере Т. COVID-19: Великая перезагрузка / Т. Маллере, К. Шваб. — Женева : Всемир. экон. форум, 2020. — 248 с.
3. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Норма, 2007. — 128 с.
4. Кудрявцев В.Н. Избранные труды / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Юрид. центр Пресс, 2003. — 484 с.
5. Горшенков Г.Н. Криминология — научная дисциплина противопреступного цикла / Г.Н. Горшенков. — Санкт-Петербург : Юрид. центр, 2020. — 304 с.
6. Ожегов С.Н. Толковый словарь русского языка / С.Н. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — Москва : ИТИ Технологии, 2002. — 751 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н.Г. Кадникова. — Москва : Юриспруденция, 2019. — 1096 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. — Москва : Норма, 2018. — 880 с.
9. Ларина Е.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность / Е.С. Ларина, В.С. Овчинский. — Москва : Кн. мир, 2018. — 416 с.
10. Черных Е. Китай — «электронный концлагерь» или «цифровой рай» / Е. Черных // Комсомольская правда. — 2019. — 30 нояб.
11. Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества / под ред. А.Н. Савенкова. — Москва : ИГП РАН, 2019. — 408 с.
12. Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / С.В. Познышев. — Москва : Инфра-М, 2007. — 302 с.
13. Малахов В.П. Философия права / В.П. Малахов. — 2-е изд. — Москва : Юнити-Дана, 2007. — 369 с.
14. Исаев И.А. Топос и номос. Пространства правопорядка / И.А. Исаев. — Москва : Норма, 2007. — 415 с.
15. Гилинский Я.И. Нужно ли уголовное право? / Я.И. Гилинский // Уголовная политика и правоприменительная практика : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. — Санкт-Петербург, 2020. — С. 26–30.
16. Жигарев Е.С. Криминология и религия христианства / Е.С. Жигарев, О.Ю. Захарьян. — Москва : Русаки, 2007. — 286 с.
17. Казаков Е.Ф. Душа как реальность / Е.Ф. Казаков. — Москва : Инфра-М, 2019. — 207 с.
18. Бабаев М.М. Очерки криминальной рискологии / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — Москва : Юрлитинформ, 2021. — 368 с.
19. Веселкова В.С. Определенность и неопределенность в социальном познании : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / В.С. Веселкова. — Саранск, 2006. — 172 с.
20. Малахов В.П. Общая теория права и государства. Курс лекций / В.П. Малахов. — Москва : Закон и право, 2016. — 332 с.
21. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2 т. Т. 1 / В.В. Лунеев. — Москва : Норма, 2012. — 1003 с.
22. Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Полит. лит., 1959. — Т. 13. — С. 5–9.
23. Колеман Д. Комитет 300. Тайны мирового правительства : пер. с англ. / Д. Колеман. — Москва : Родина, 2018. — 340 с.
24. Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы / Д. Перкинс ; пер. с англ. М.А. Богомоловой. — Москва : Претекст, 2014. — 350 с.
25. Харгер Н. Синдикат. История мирового правительства / Н. Харгер ; пер. с англ. Т. Новиковой. — Москва : Алгоритм, 2009. — 496 с.
26. Sayanarus E. Гейтс предлагает «депопуляцию через принудительную вакцинацию», что, по его мнению, будет «экологически чистым решением» / E. Sayanarus // Telegram. — URL: <https://t.me/SkuratoffOne/8694>.
27. Савин А.Ю. Путеводитель по вечности / А.Ю. Савин, Д.Н. Фонарёв. — Москва : ВеГа, 2009. — 269 с.
28. Соколов Д.С. Мистика и философия спецслужб / Д.С. Соколов. — Москва, 2010. — 314 с.
29. Аристотель. Метафизика / Аристотель ; пер. А.В. Кубицкого. — Москва ; Ленинград : Соцэкгиз, 1934. — 348 с.
30. Аристотель. Категории: с приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля / Аристотель ; пер. А.В. Кубицкого. — Москва : Соцэкгиз, 1939. — 84 с.
31. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа ; пер. с итал. М.М. Исаева. — Москва : Инфра-М, 2011. — 184 с.
32. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 1 / Г.В.Ф. Гегель. — Москва : Мысль, 1970. — 501 с.
33. Визир П.И. Диалектика определенности и неопределенности / П.И. Визир, А.Д. Урсул. — Кишинев : Штиинца, 1976. — 124 с.

34. Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределенности. Курс лекций / Н.А. Власенко. — Москва : Инфра-М, 2015. — 176 с.
35. Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т.Н. Назаренко. — Москва, 2006. — 227 с.
36. Орлов В.Н. Основы криминологического права : учебник / В.Н. Орлов. — Москва : Криминол. б-ка, 2016. — 666 с.
37. Ершов В.В. Неопределенность и определенность права как парные категории / В.В. Ершов // Российское правосудие. — 2018. — № 9. — С. 5–13.
38. Фадеев В.Н. Теоретико-методологические основы криминологии будущего / В.Н. Фадеев. — DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(1).5-19 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 1. — С. 5–19.
39. Ковальчук М.В. Как мировая элита создает служебного человека / М.В. Ковальчук // Mail.ru. — 2020. — URL: https://go.mail.ru/search_video.
40. Долгова А.И. Избранные труды / А.И. Долгова. — Москва : Акад. Генер. прокуратуры РФ, 2017. — 424 с.
41. Фолтынова К. Мы вас видим! Как Россия развивает систему видеонаблюдения / К. Фолтынова // Радио Свобода. — URL: <https://www.svoboda.org/a/31076175.html>.

REFERENCES

1. Rolland R. *La Vie de Ramakrishna*. Almora, 1929. 352 p. (Russ. ed.: Rolland R. *Zhizn' Ramakrishny. Zhizn' Vivekanandy*. Moscow, Ekopolis i kul'tura Publ., 1991. 320 p.).
2. Malleret T., Schwab K. *COVID-19: Velikaya perezagruzka* [COVID-19: The Great Reset]. Geneva, World Economic Forum Publ., 2020. 248 p.
3. Kudryavtsev V.N. *Bor'ba motivov v prestupnom povedenii* [The Struggle of Motives in Criminal Behavior]. Moscow, Norma Publ., 2007. 128 p.
4. Kudryavtsev V.N. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2003. 484 p.
5. Gorshenkov G.N. *Kriminologiya — nauchnaya distsiplina protivoprestupnogo tsikla* [Criminology — a Scientific Discipline of the Anti-Criminal Cycle]. Saint-Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Publ., 2020. 304 p.
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, ITI Tekhnologii Publ., 2002. 751 p.
7. Kadnikov N.G. (ed.). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Comments to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2019. 1096 p.
8. Skuratov Yu.I., Lebedev V.M. (eds.). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Comments to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Norma Publ., 2018. 880 p.
9. Larina E.S., Ovchinsky V.S. *Iskustvennyi intellekt. Bol'shie dannye. Prestupnost'* [Artificial Intelligence. Big data. Crime]. Moscow, Book World Publ., 2018. 416 p.
10. Chernykh E. China — “an electronic concentration camp” or “a digital paradise”. *Komsomol'skaya pravda*, 2019, November 30. (In Russian).
11. Savenkov A.N. (ed.). *Transformatsiya paradigmy prava v tsivilizatsionnom razvitii chelovechestva* [Transformation of the legal paradigm in the civilizational development of mankind]. Moscow, The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences Publ., 2019. 408 p.
12. Poznyshchev S.V. *Kriminal'naya psikhologiya. Prestupnye tipy. O psikhologicheskoy issledovanii lichnosti kak sub"ekta povedeniya voobshche i ob izuchenii lichnosti prestupnika v chastnosti* [Criminal Psychology. Criminal Types. On Psychological Research of Personality as Subject of Behavior in General and Research of Personality of Criminal in Particular]. Moscow, Infra-M Publ., 2007. 302 p.
13. Malakhov V.P. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2007. 369 p.
14. Isaev I.A. *Topos i nomos. Prostranstva pravoporyadka* [Topos and Nomos: Spaces of Laws and Order]. Moscow, Norma Publ., 2007. 415 p.
15. Gilinskii Ya.I. Is Criminal Law Necessary? *Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika. Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal Policy and the Practice of Law Enforcement. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference]. Saint-Petersburg, 2020, pp. 26–30. (In Russian).
16. Zhigarev E.S., Zakharyan O.Yu. *Kriminologiya i religiya khristianstva* [Criminology and the Religion of Christianity]. Moscow, Rusaki Publ., 2007. 286 p.
17. Kazakov E.F. *Dusha kak real'nost'* [The Soul as the Reality]. Moscow, Infra-M Publ., 2019. 207 p.
18. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Ocherki kriminal'noi riskologii* [Essays on Criminal Riskology]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 368 p.
19. Veselkova V.S. *Opredelennost' i neopredelennost' v sotsial'nom poznanii. Kand. Diss.* [Certainty and uncertainty in social cognition. Cand. Diss.]. Saransk, 2006. 172 p.
20. Malakhov V.P. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State]. Moscow, Zakon i Pravo Publ., 2016. 332 p.
21. Lunev V.V. *Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii* [The Textbook on World and Russian Criminology]. Moscow, Norma Publ., 2012. Vol. 1. 1003 p.
22. Marx K. *To the Critique of Political Economy*. In Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Politicheskaya Literatura Publ., 1959, vol. 13, pp. 5–9. (In Russian).
23. Coleman J. *Conspirators' Hierarchy: The Story of the Committee of 300*. Carson City, Bridger House Publishers Inc, 1992. 252 p. (Russ. ed.: Coleman J. *Komitet 300. Tainy mirovogo pravitel'stva*. Moscow, Rodina Publ., 2018. 340 p.).
24. Perkins J. *Confessions of an economic hitman*. San Francisco, Berrett-Koehler Publishers, 2004. 250 p. (Russ. ed.: Perkins J. *Ispoved' ekonomicheskogo ubiitsy*. Moscow, Pretekst Publ., 2014. 350 p.).

25. Hagger N. *The Syndicate: The Story of the Coming World Government*. Washington, O Books, 2004. 320 p. (Russ. ed.: Hagger N. *Sindikat. Istoriya mirovogo pravitel'stva*. Moscow, Algoritm Publ., 2009. 496 p.).
26. Sayanarus E. B. Gates suggests «depopulation through forced vaccination», which he views as an «environmentally clean solution». *Telegram*. Available at: <https://t.me/SkuratoffOne/8694>. (In Russian).
27. Savin A.Yu., Fonarev D.N. *Putevoditel' po vechnosti* [A Guidebook to Eternity]. Moscow, VeGa Publ., 2009. 269 p.
28. Sokolov D.S. *Mistika i filosofiya spetssluzhb* [Mysticism and Philosophy of Special Services]. Moscow, 2010. 314 p.
29. Aristotle; Kubitskii A.V. (ed.). *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz Publ., 1934. 348 p.
30. Aristotle; Kubitskii A.V. (ed.). *Kategorii* [Categories]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939. 84 p.
31. Beccaria C. *Crimini e punizioni*. Londra, Chatto e Windus, 1880. 305 p. (Russ. ed.: Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh*. Moscow, Infra-M Publ., 2011. 184 p.).
32. Gegel' G.V.F. *Nauka logiki* [Science of Logic]. Moscow, Mysl' Publ., 1970. Vol. 1. 501 p.
33. Vizir P.I., Ursul A.D. *Dialektika opredelennosti i neopredelennosti* [The Dialectics of Certainty and Uncertainty]. Chisinau, Shtiintsa Publ., 1976. 124 p.
34. Vlasenko N.A. *Problemy pravovoi neopredelennosti* [The Problems of Legal Uncertainty]. Moscow, Infra-M Publ., 2015. 176 p.
35. Nazarenko T.N. *Neopredelennost' v rossiiskom prave. Kand. Diss.* [Uncertainty in Russian Law. Cand. Diss.]. Moscow, 2006. 227 p.
36. Orlov V.N. *Osnovy kriminologicheskogo prava* [Basics of Criminological Law]. Moscow, Kriminologicheskaya Biblioteka Publ., 2016. 666 p.
37. Ershov V.V. Legal Uncertainty and Legal Clarity as Paired Categories. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*, 2018, no. 9, pp. 5–13. (In Russian).
38. Fadeev V.N. The Theoretical and Methodological Basis of Criminology of the Future. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 5–19. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(1).5-19. (In Russian).
39. Kovalchuk M.V. How the global elite is creating a service human. *Mail.ru*, 2020. Available at: https://go.mail.ru/search_video. (In Russian).
40. Dolgova A.I. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ., 2017. 424 p.
41. Foltynova K. We see you! How Russia is developing the video surveillance system. *Radio Svoboda*. Available at: <https://www.svoboda.org/a/31076175.html>. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фадеев Виктор Николаевич — профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: fadei87@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fadeev, Victor N. — Professor, Chair of Criminology, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: fadei87@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Фадеев В.Н. Замыслы и намерения как новый предмет внимания в криминологии и юриспруденции / В.Н. Фадеев. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(3).306-320 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 3. — С. 306–320.

FOR CITATION

Fadeev V.N. Conceptions and intentions as a new focus of attention in criminology and jurisprudence. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 3, pp. 306–320. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(3).306-320. (In Russian).